

Дачный сезон

Автор:

Наталья Никольская

Дачный сезон

Наталья Никольская

Близнецы

Детектив из серии «Близнецы» Натальи Никольской

НАТАЛЬЯ НИКОЛЬСКАЯ

ДАЧНЫЙ СЕЗОН

ГЛАВА ПЕРВАЯ (ОЛЬГА)

У-уф, наконец-то я еду на дачу! Все дела побоку, всех клиентов долой, начинается золотое летнее время! Даю себе слово, что на даче я буду только отдыхать! Пусть моя сестра Полина занимается грядками, если ей так хочется, а я буду заниматься исключительно отдыхом. И вообще, мне нужно поправлять свое здоровье. А у меня что-то нервы расшалились последнее время. А ведь известно, что все болезни от нервов. Следовательно, только покой! Полина же не хочет, чтобы я умерла в двадцать девять лет от переутомления?

Я даже вытащила из сумочки маленькое зеркальце и заглянула в него, чтобы убедиться в том, что отдых и свежий воздух мне необходимы.

То, что мне показало зеркальце, правда, свидетельствовало о моем прекрасном самочувствии: на меня смотрело красивое, румяное лицо молодой, счастливой женщины. Я осталась немного недовольна: слишком уж благополучный вид был у меня. «Ну и ладно, – отмахнулась я. – Все равно отдых мне необходим!» С этими словами я сунула противное зеркало обратно в сумку и стала смотреть в окно.

Электричка весело постукивала колесами, детишки мои сидели в радостном ожидании приезда на дачу, все было хорошо.

Мы шли по тропинке к нашему домику, вдыхая аромат цветущих деревьев, Лизонька собирала первые одуванчики, а Артур гонялся за бабочками.

Мы подошли к нашей даче, я отперла дверь и... настроение мое сразу же начало ухудшаться. Потому что первое, что меня встретило, это толстый слой пыли повсюду. Черт, Полина же просила меня навести здесь порядок к ее приезду. Я легкомысленно согласилась, но разве могла я предположить, что меньше чем за год обстановка здесь претерпит столь существенные изменения?

Опять Полина будет кричать, что кроме одинаковой внешности – мы с Полиной близнецы – у нас больше нет ничего общего.

Повсюду валялись вещи, не убранные еще с прошлого года. Даже посуда была почему-то не вымыта... На столе стояла сковородка с засохшими остатками жареной картошки, рядом скромно притулилась стопочка с вином. В стопке плавала пьяная муха. Она давно уже скончалась от алкоголизма. Тарелки и вилки, все грязное... Это кто же мог оставить здесь такое свинство?

С тоской проходя внутрь и вытирая подолом платья стул, чтобы положить сумку, я вздохнула и сказала:

– Поиграйте пока на улице.

– Мама, можно мы пойдем на пруд? – закричал Артур.

– Нет, – твердо ответила я. – Никакого пруда до тех пор, пока я не освобожусь!

– А ты скоро?

– Надеюсь, – еще раз вздохнула я.

Честно говоря, я рассчитывала поскорее разобраться с пылью и грязью. И решительно взялась за дело, планируя завершить его максимум за полчаса. Но вскоре убедилась, что я несколько погорячилась. И теперь мечтала о том, лишь бы убрать самое основное, а все, что останется, можно с чистой совестью повесить на Полину. В конце концов, у меня дети, и мне просто некогда заниматься вылизыванием домика. И вообще, это дача, а не приемный зал!

Так я думала, набирая в ведро воду. Потом начала искать тряпку. Тряпка не находилась.

Вздохнув в очередной раз, я разорвала совсем не старое Полинино платье, от души надеясь, что она меня простит. В крайнем случае лоскуты можно будет спрятать и сказать, что я понятия не имею, куда ты, Полина, засунула свое платье. Вечно ты ничего не помнишь.

Протирая шкафы, я поняла, что быстро я не управлюсь, потому что придется вытаскивать из них всю посуду, а потом ставить обратно... Нет, я этого не вынесу! Ну, Полина! Сплавил меня на дачу с детьми заниматься уборкой! А может, ничего не убирать? Ну, сколько нам предстоит без Полины-то пробыть? Дня два, не больше. Можно и еду не готовить... На консервах перебиться. Точно, не надо ничего мыть! Пусть Полина приедет и полюбуется, на что похожа дача! И как у нее совести хватило меня сюда сбегать?

Но тут я вспомнила, что именно мне год назад выпало наводить на даче порядок перед отъездом в город, и я ведь, кажется, все раскладывала по местам... Во всяком случае, так я сказала Полине, потому что мне так казалось. Теперь выяснилось, что я немного покривила душой. А теперь выходит, что я даже не помню, куда засунула тряпки?

Нет, похоже нужно доводить работу до конца. А ужин все-таки не готовить.

– Мама, мы хотим есть! – дружно, как по заказу, заявили мои дети, просовывая головы в дверь.

– О Господи! Подождите еще немного!

Дети снова убежали в сад. Я присела у окна и задумалась. Над жизнью. Нелегкой. И мне захотелось улететь куда-нибудь далеко, где нет пыли, грязной посуды и необходимости готовить еду. Когда же я подняла голову, то обнаружила, что прошло уже два часа, а я все сижу! Господи, да что же это я? Ведь хотела же все проверить за двадцать минут!

Только я с новым энтузиазмом заметалась по даче, как случилось нечто такое, чего я никак не ожидала. В первый момент я просто оторопела, не в силах поверить в увиденное.

На пороге дачи стоял незнакомец. Он имел довольно потрепанный вид. Волосы были грязные и нечесанные. Он был коренастый, плотный, с маленькими неприятными глазками, смотревшими как буравчики.

За его спиной стояли двое товарищей такого же плана. Но главное, что меня поразило, так это то, что в руках «предводитель» сжимал небольшой пистолет. И направлен он был в висок моего сына! Артур был бледен, глазенки испуганно вытаращены. Один из стоящих позади держал на руках Лизоньку, которая тоже не совсем понимала, что происходит, и от этого пугалась.

Но больше всех оцепенела я.

– Что вы, собственно... – растерянно залепетала я, протягивая руки к детям. Грязная тряпка вывалилась из рук на пол.

– Не дергайся! – хрипло сказал «предводитель». – Делай, что скажу, и мы никого не тронем. Сховаться нам у тебя нужно, поняла? Будешь нас кормить. Светиться нам нельзя. Мы ненадолго, скоро свалим. Будешь слушаться – все будет нормально. Свалим, и никто ничего не узнает. Попробуешь вякнуть кому – пришьем твоих выродков в миг, поняла?

– П... Поняла, – заикаясь проговорила я. Боже мой, боже мой, какой ужас! А Полина приедет только через два дня! Да я же здесь с ума сойду! Подумать только, меня захватили бандиты! А вдруг они вообще какие-нибудь террористы? Вдруг они захотят взять нас в заложники? Кто знает, что у них на уме?

– Короче, так, – проходя в комнату и опускаясь на диван, проговорил предводитель. – Для начала пожрать нам чего-нибудь дай.

– Но... Но у меня просто нечего есть! Мы только что приехали, и я все это время занималась уборкой...

– Так сготовь! – скомандовал «предводитель». – Живо!

Почему-то это «живо», произнесенное с таким металлом в голосе, послужило для меня с той самой минуты каким-то толчком: стоило мне в дальнейшем услышать от него это слово, как я тут же принималась бегом выполнять все приказания, почти парализованная от страха.

Я вскочила с места и кинулась к сумке, доставая из нее продукты. Заплакала Лизонька. Я повернулась, готовая тут же кинуться к своему ребенку, чтобы успокоить, но взгляд мой уперся в ствол пистолета, направленный мне в лоб:

– Стоять! – голос был тверд. – Не дергайся, делай, что тебе велено.

С полными слез глазами я стала доставать из сумки банки с консервами, паштетами, пачки печений, колбасу и сыр – все, что купила Полина специально для нашего отъезда.

– Картошки сварил! – приказал «предводитель».

Он развалившись сидел на диване. Остальные бандиты расположились на стульях. Детишки испуганно жались в уголке.

Я принялась чистить картошку тупым ножом, думая, на сколько бы мне с детьми хватило этого количества...

– Больше чисть! – заглянув в кастрюлю, сказал «предводитель».

Я послушно закивала головой и низко склонилась над кастрюлей, чтобы этот подонок не увидел моих слез. Слезы капали крупным горохом в кастрюлю, и я подумала, что картошку, наверное, не придется солить.

– Выпить есть что? – спросил «предводитель».

Я отчаянно замотала головой из стороны в сторону, надеясь, что он мне поверит, хотя на дне одной из сумок у меня была припрятана бутылка бабушкиной наливки. Но предложить эти скотам бабулину наливку?!?

«Предводитель» остался очень недоволен таким обстоятельством. Потом сказал:

– Завтра сходишь в магазин, купишь бутылку водки, поняла?

– Хорошо, – сквозь зубы ответила я.

Когда картошка была готова, я открыла банку с тушенкой и вывалила содержимое в кастрюлю. «Предводитель» крикнул своих друзей, они уселись вокруг стола и стали уплетать за обе щеки.

– У меня вообще-то дети голодные, – вставила я, видя, какими глазами смотрели Артур с Лизой на эту картину.

– Перебьются! – буркнул главарь.

Товарищ его оказался, видимо, добрее: он поманил Лизу пальцем. Та вопросительно посмотрела на меня. Я кивнула. А что еще делать? Лиза робко подошла к бандиту. Тот взял ее на руки и стал кормить с ложки. Боже мой, со своей ложки!

Я тут же кинулась к шкафу и достала маленькую ложечку, торопливо обтерев ее рукавом платья.

– На, доченька.

Второй бандит посадил рядом с собой Артура. Но мальчик мой не ел, а только хмуро исподлобья смотрел на бандитов. Артур был постарше и уже соображал что к чему.

«Предводитель» заржал:

– Ты посмотри, Скворец, какой гордый парень! – обратился он к тому, который подозвал Артура.

Тот улыбнулся.

– Это по молодости, – пояснил он по-своему.

Мне поесть не предложили. Но на себя мне было и наплевать в этот момент – самое главное, чтобы с детьми все было в порядке.

Тем временем я заметила, что Лизонька стала клевать носом.

– Мне нужно ребенка уложить, – заикнулась я.

«Предводитель» почесал в затылке.

– Иди, – разрешил он. – Только смотри без глупостей.

Я взяла Лизоньку на руки и унесла в спальню. Господи, до спальни с уборкой я, конечно, не добралась. Ладно, теперь не до этого – живыми бы остаться!

Почему-то в тот момент я совершенно не волновалась за собственную жизнь. Меня волновали только дети. А я... Бог с ней, со мной!

Лизонька, спасибо ей огромное, уснула моментально. А я продолжала сидеть возле ее кровати, мучимая противоречивыми чувствами: с одной стороны, мне до смерти не хотелось возвращаться в кухню и смотреть на эти рожи. А с другой, не хотелось оставлять Артура с ними наедине.

Все мои вздохи по поводу нежелания заниматься уборкой показались мне такими наивными... Да я была бы готова перелопатить весь дом, лишь бы эти негодяи отсюда ушли!

Кстати сказать, они тут же предоставили мне такую возможность. Убрать дом, я имею в виду.

– Чего это у тебя так грязно? – с ухмылкой спросил «предводитель», едва я вернулась в кухню.

– Понимаете, я вам говорила, мы только что приехали, – оправдываясь, залепетала я и злилась, что приходится оправдываться перед такими мерзавцами. – Я не успела убраться...

– Ну так уберись! – заявил он.

Я стояла на месте.

– Живо! – произнес он свое «волшебное слово», и я со всех ног кинулась к ведру с тряпкой.

Надо же, летая по домику, я и впрямь смогла закончить всю работу за двадцать минут. Это еще раз доказывает, что главное – стимул. А у меня стимул был очень даже хороший – ствол пистолета, постоянно следящий за мной.

Короче, через двадцать минут дача сияла чистотой. Даже Полине ничего не осталось. Взглянув на то, во что превратились тряпки, я с грустью усмехнулась про себя: теперь Полина ни за что не узнает в этих грязных обрывках своего любимого платья...

«Предводитель» проверил мою работу и остался доволен.

– Теперь спать! – скомандовал он. – Устал я здорово... Спать будем по очереди. Мы со Скворцом на диване, а ты, Рябой, – обратился он к тому «доброму», что посадил на колени Лизу, – будешь сторожить этих сук! Под утро я тебя сменю. И не вздумай заснуть – порешу!

Рябой кивнул головой и улыбнулся. Скворец и «предводитель» прошли в комнату и улеглись на диване. Буквально через пару минут раздался оглушительный храп в два голоса. Кошмар, да разве можно уснуть в таких условиях?

Артур сам пошел в спальню, разделся и лег. Даже не попросил полежать с ним и рассказать что-нибудь, как это часто бывало дома... Боже мой, дома! Как будто в другой жизни!

- Сядь, поешь, - предложил мне Рябой.

Я валилась с ног от усталости, даже есть мне не хотелось, но спорить я не стала. Села за стол и зачерпнула прямо из кастрюли большую ложку уже остывшей картошки. Бандиты тоже не утруждали себя накладыванием еды в тарелки, и я даже обрадовалась, что наутро мне придется меньше мыть посуды.

- У тебя двое детишек? - спросил вдруг Рябой.

Я не ожидала такого вопроса и только кивнула.

- И у меня двое, - с улыбкой ответил он.

- Правда? - я поняла изумленные глаза. Почему-то мне никак не представлялось, что у таких людей могут быть дети. Хотя что в этом особенного?

- Ну да, - продолжал улыбаться он. - Тоже мальчишка и девчонка. Большие уже. Да, давненько я их не видал...

- Почему? - спросила я.

Рябой посмотрел на меня как на ненормальную.

- На курорте отдыхал, - усмехнулся он.

Ах да, конечно! Они же все наверняка судимые! И, наверное, они убежали из тюрьмы! Так, это очень хорошо. В том смысле, что их, конечно же, будут искать. А может быть, уже ищут? А значит, есть надежда, что вскоре здесь появятся милиционеры с автоматами, которые освободят меня!

Я даже повернулась к окошку, чтобы посмотреть, не пришли ли уже спасатели, но никого не было...

Рябой понял мой взгляд по-своему. Он тоже глянул в окно и сказал:

– Да, поздно уже. Давай-ка ты спать ложись. А то завтра Мутный тебя рано поднимет.

– Мутный – это?... – я покосилась на «предводителя».

– Ну да, – кивнул Рябой. – Он у нас мужик суровый. Так что ты ложись.

В его голосе я почувствовала даже какую-то заботу, что было почти невероятно. Значит, этот человек, проведший не один год на зоне, еще сохранил в себе человеческие чувства?

Мне захотелось поговорить с ним о его жизни, расспросить, что побудило его выбрать такой жизненный путь, но Рябой повторил:

– Ложись спать.

– А где? – спросила я.

– Да где хочешь.

Я не стала проходить в спальню к детям, а устроилась прямо в кухне на маленьком диванчике, на котором вечером сидел Мутный. На нашей даче две комнаты: одна, в которой сейчас спали бандиты, и вторая, маленькая, которую мы называли спальней. Там сейчас отдыхали дети. А мы с Рябым остались в кухне.

Мне казалось, что я усну, едва почувствую под головой подушку. Однако сон не шел совсем. Я лежала, боясь лишний раз повернуться, хотя громкой храпение бандитов свидетельствовало о том, что их вряд ли сейчас сможет что-нибудь разбудить.

Лежала и думала о своей горькой судьбе. И о том, как все-таки странно устроена наша жизнь! Ведь еще сегодня утром я ехала на дачу, радовалась и совершенно не подозревала, что события могут развернуться таким образом! А теперь от былой радости не осталось и следа, и сама я пленница, и дети мои под угрозой...

Не выдержав, я всхлипнула. Хотела тут же взять себя в руки и не смогла. Всхлип повторился, уже более громко. Плечи мои затряслись. Рябой услышал это и подошел ко мне.

– Чего плачешь? – тихо спросил он и даже погладил меня по спине. – Будет, перестань. Ну перестань, слышишь? Все будет хорошо. Мы не сегодня-завтра уйдем и оставим тебя в покое. Не переживай! Потерпи немного. Нам просто схорониться пока нужно...

Я встала. Вспомнила про бабушкину наливку. Мне уже было наплевать на то, что я скрыла ее от бандитов. Я чувствовала, что если не выпью сейчас ни глотка, то просто скончаюсь. Или сойду с ума. И почему-то мне казалось, что Рябой меня не выдаст Мутному.

Решительно пройдя к сумке, я выдернула со дна ее бутылку.

– Выпить не хотите? – мило улыбаясь, предложила я Рябому.

Он усмехнулся, увидев бутылку.

– Нет. Ты знаешь, не любитель я этого. Вот Мутный сейчас с удовольствием бы пригубил. А я так...

Ну а я не стала стесняться. Села за стол и плеснула себе щедрую порцию в отмытый до блеска стакан. Выпила одним махом, потом наполнила снова и опять выпила. Села, подперев голову руками, и задумалась. Рябой неслышно примостился рядом. Я смогла его разглядеть: немолодой уже мужчина, лет пятидесяти. Невысокого роста, с простым, рябоватым лицом и какими-то детскими глазами. Чем-то напоминал он мне Егора Полушкина из повести «Не стреляйте в белых лебедей»... Странно, бандит – и такая внешность. Интересно, за что он сидел?

Хмель уже ударил в мою голову, мозг, отравленный алкоголем, стал как-то размягчаться, и я спросила:

– А за что вас посадили в тюрьму?

Рябой грустно посмотрел на меня и, улыбнувшись, замолчал надолго.

- Было дело, - наконец проговорил он.

Я наполнила стакан в третий раз и выпила легко, словно компот. А градусов в бабушкиной наливке как-никак за тридцать...

Рябой неодобрительно посмотрел на меня.

- Слишком много ты пьешь, дочка, - с укором сказал он. - Нельзя так! Ты ведь молоденькая совсем!

Я чуть не упала со стула! Вот это ничего себе! Бандит будет учить меня жизни! Меня, психолога со стажем, кандидата наук!

Я взглянула на него по меньшей мере иронично.

- Что так смотришь? - усмехнулся он. - Я постарше тебя буду. Видел побольше.

- Не сомневаюсь, - пробормотала я.

- Вот и послушай! Я много чего повидал! И как девочки молоденькие совсем спивались. А у тебя дети тем более. О них надо думать.

Вот это наглость!

- Вы... - задыхаясь, выкрикнула я. - Вы меня захватили! Вместе с детьми! Держите под пистолетом! И еще смеете упрекать меня в том, что я пью? Да в такой ситуации не только запьешь...

- Я не упрекаю, - грустно сказал он. - Просто не хочу, чтоб ты свою жизнь ломала. С мужем, поди, нелады?

Я опустила голову. Во взгляде Рябого, в его голосе мне послышалось такое участие, такая искренняя забота, которую я давно не слыхала... Захотелось даже рассказать ему о своей жизни, поделиться, но огромный комок,

подкатившийся к горлу, сдавил его, словно тисками, поэтому я просто мотнула головой.

– Это что же... Это бывает, – согласился он. – Да только жизнь-то не кончается! Все на любви человеческой строится... Вся жизнь наша.

– Да вы прямо философ! – подняла я на него изумленные глаза. – Даже не верится, что из тюрьмы!

– А что из тюрьмы? В тюрьме разные люди сидят!

– Но почему вы... Почему вы выбрали такую компанию?

– И-и-и, милая! – он махнул рукой. – Всего так просто не объяснишь! Вот Мутный. Для тебя он кто? Злодей, который на тебя и детей твоих напал. А для меня он очень многое значит. От смерти он меня спас. И теперь я за него на многое готов.

– Как от смерти спас? – мне стало жутко интересно.

– А так! Я, когда в тюрьму-то попал... Ну, ты, конечно, не представляешь, что это такое, да и слава богу! Не дай бог тебе когда узнать об этом. Так вот... И попал-то я глупо! Друг у меня на табачной фабрике работал. Ну, и сигареты подворовывал. А в тот день меня с собой позвал. На стреме, значит, постоять. А я что? Зарплату который месяц не платили, жена запилила совсем... Я и пошел. А тут шмон. Друг-то мой убежал, а меня, значит, поймали. И семь лет впаяли!

Я знала похожую историю, произошедшую с одним из моих знакомых. Но там все закончилось совсем не так: парню дали два года условно. Но это потому, что его мама – замминистра – очень рьяно взялась за дело. А у Рябого, видимо, не было мамы-замминистра...

– Вот и пошел я, значит, на семь лет, – продолжал Рябой между тем. – Там и с Мутным познакомился. И знаешь, как? Там же издеваются, в тюрьме... Ищут, кто послабже, и как только слабинку эту почуют – считай, все! Человек кончился. И попытались меня вот так же проверить. Я, знаешь, сильным себя никогда не считал... Но если что – я бы лучше смерть принял, чем издевательство. А тут

Мутный. Заступился за меня, в общем... Сам не знаю, чем уж я ему так глянулся. Одним словом, с тех пор мы с ним вместе. Нет, ты не подумай чего! – заметил он мой недоуменный взгляд. – Не в том смысле. Просто друг за друга все время. И я его не предаю никогда.

– А он вас? – спросила я, глядя прямо в глаза Рябому.

Тот не ответил.

Мы посидели еще немного. Бутылка пустела. Я хмелела. Хмелела и думала, что жизнь – это какая-то пропасть...

Вскоре мне захотелось в туалет. Сказав об этом Рябому, я пошла к двери. Он за мной. Сел на крыльце и закурил. А я пошла по тропинке. Меня немного пошатывало. Я шла и думала, что бы такого предпринять, чтобы освободиться. Что? Что?! Может, убежать?

Я осторожно обернулась. Рябой сидел на крыльце и даже не смотрел в мою сторону. А что, если подойти к нему сзади и огреть его чем-нибудь по голове? А потом быстренько сбежать за подмогой, пока не проснулись остальные? Или связать их?

Этим отчаянным мыслям помогла прийти в мою голову, безусловно, наливка. В трезвом состоянии я бы никогда на подобное не решилась. А сейчас у меня внутри просто все горело. Я быстро зашла за туалет и подняла валявшуюся на земле дубинку. Вернее, это была просто толстая ветка, но мне она сейчас могла послужить как отличное орудие нападения. Осторожно ступая, я двинулась к дому. Рябой не оборачивался. Так, отлично. Еще один шаг. Еще. И еще. Я крепко сжимала дубинку, готовая в самый удобный момент опустить ее на голову Рябого. Честно говоря, мне было его даже жалко. Все-таки он хороший человек. Но в данный момент он мой враг. И ничего нельзя с этим поделать.

Я подошла уже совсем близко, уже занесла дубинку над бедной Рябовской головой, как вдруг услышала:

– Кто говорил, что выпить нету?

Уронив со страху дубинку, я подняла глаза. На пороге стоял Мутный.

Он тер спросонья глаза и тарасился на Рябого.

– Кто пил, я спрашиваю!?! – рявкнул он.

– Да ты чего, Мутный? – добродушно улыбаясь, проговорил Рябой. – Это ж я ей сам велел выпить. Нашли в шкафчике бутылку. Там и было-то всего две капли! Тебя они только раздразили бы! А ей в самый раз. А то тряслась прямо.

Я тогда не тряслась. Затряслась я теперь, под немигающим взглядом Мутного. Я понимала, что Рябой выгораживал меня. Просто спасал от Мутного. И была ему благодарна. Как я потом поняла, этот человек обладал способностью воздействовать на Мутного. Будучи очень спокойным, он мог влиять на необузданного и несдержанного товарища как целебный бальзам. И Мутный слушался Рябого, хотя сам был «предводителем». А Рябой умел, когда ему это было нужно, повести себя так, что становился фактическим лидером, хотя на вид им оставался Мутный.

Мутный пристально смотрел на меня минуты две, потом буркнул:

– Ладно, Рябой. Иди ложись. Я теперь покараулю.

– Хочешь – спи, – ответил Рябой. – ты же знаешь, у меня бессонница.

– Да нет уж, – произнес вдруг Мутный. – Что-то у меня эта барышня вызывает легкое беспокойство. – Он вдруг покосился на уроненную мной дубинку. Боже мой, неужели он все понял? А мне-то показалось, что они ничего не заметили.

– Иди ложись, – повернулся ко мне Мутный.

Я не стала дожидаться волшебного слова, а бегом бросилась в кухню. Там я залезла на диванчик, накрылась одеялом с головой и тут же выключилась, утомленная множеством острых ощущений.

Наутро Мутный разбудил меня рано. Причем не церемонился, а просто подошел и сбросил с меня одеяло. Так часто делала Полина, и я всегда ужасно злилась на

нее, но только теперь поняла, что у Полины это получалось намного нежнее, чем у Мутного.

С ужасом подумав, что сейчас снова услышу волшебное «живо», я вскочила и встала перед ним, вытянув руки по швам.

– Сходи в магазин, – прохрипел Мутный. – Водки купи. И сигарет. Побольше.

Я вопросительно посмотрела на него.

– Чего смотришь? – зарычал он. – Не поняла, что ли?

– А, простите, деньги?..

– Чего? – Мутный изумленно уставился на меня и вдруг захохотал. – Ну дает подруга!

Вслед за ним заржал и его проснувшийся дружок Скворец, а Рябой улыбался своей обычной печальной улыбкой.

Понятно, водку придется покупать на свои деньги.

Я потянулась за сумкой. Черт, нужно было как-то вчера перепрятать отсюда деньги, а то еще заберут все... А как мои детишки? Неужели эти козлы не дадут мне даже поздороваться с ними?

По счастью, Артур с Лизой еще спали. Я натянула платье и пошла в магазин.

Домик наш располагался в дачном поселке Вишневка. И многие люди жили там круглогодично. Так что магазин имелся, и не один.

Я понуро брела по тихой улице. Дачников был еще мало, мы были одними из первых. Боже мой, ведь сейчас я совсем одна и вполне могла бы позвать на помощь. Могла бы, если бы... Если бы не мои дети, оставшиеся на даче под присмотром этих скотов!

Черт, вот досада! Я боялась, я жутко боялась, что если сообщу кому-нибудь о своей беде, то эти кто-то будут действовать неосторожно, и бандиты все поймут и просто убьют детей. И меня вместе с ними...

Поэтому я просто брела по улице с сумкой, и из глаз моих катились слезы. Я слизывала их языком.

- Оля, привет! - слышался вдруг голос над ухом.

Я подняла голову и увидела Гальку Мельникову. Галька почти постоянно жила в Вишневке, у нее был свой дом на одной улице с нами.

- Привет, Галя, - стараясь улыбаться, проговорила я.

- Чего такая грустная?

- Я? Да... так. Не выспалась просто.

- Понятно, - усмехнулась Галька. - С мужем приехала?

- Нет, с детьми.

- Ну так я к вам зайду!

- Не надо! - испугалась я.

- Почему? - удивленно посмотрела на меня Галина.

- Понимаешь... у Лизы высокая температура. Мне кажется что она заболела. Я боюсь, ты еще заразишься...

- Так врача вызови!

- Непременно! - заверила я ее. - Ну пока!

- Заходи ко мне! - крикнула Галина мне вслед. Я кивнула и прибавила шагу.

Оставив в магазине часть денег (водку я купила, конечно, самую дешевую, так же как и сигареты, но все равно денег было жалко), я пошла обратно. Сердце мое замирало при мысли, что за время моего отсутствия с детьми могло что-то случиться, поэтому я почти бежала.

Слава богу, дети еще не проснулись. Я молча вытащила из сумки бутылку и сигареты. Мутный взял бутылку в руки, всколыхнул налитую в ней жидкость и вроде бы остался доволен. Они втроем сели за стол.

- Закуску давай! - скомандовал Мутный.

- А что давать-то? - растерялась я. - Все же вчера съели...

- Ну так сготовь! - недовольно ответил тот.

Решив не возиться долго, я наскоро пожарила яичницу. Хотела из трех яиц, но паразит-Мутный заставил разбить аж десять!

Он откупорил бутылку, и вся троица накинулась на нее и яичницу. Я заметила, что Рябой почти совсем не пил, а вот Мутный не стеснялся, и опрокидывал в рот стопки одну за другой.

«Может быть, они захмелеют? - подумала я. - И мне удастся справиться с ними?»

Тут захныкала, проснувшись, Лизонька. Я прошла к ней и взяла на руки. Прижимая к себе теплое, нежное тельце ребенка, я снова заплакала. От наших всхлипов проснулся Артур, и я сразу вытерла слезы. При сыне я стараюсь не позволять себе плакать. Артур был очень похож на своего отца - моего бывшего мужа Кирилла: такой же черненький, темнобровый, с умными серьезными глазками. И характер имел отцовский. Кирилл был упрям, горд, своенравен и тверд. И эти же черты я замечала в сыне. При Кирилле я всегда остерегалась плакать или жаловаться. Он этого просто не понимал. И почти никогда меня не жалел. Полина при этом всегда говорила: «И правильно. А чего тебя жалеть? Жалость только унижает!» В принципе, верно. Но кто бы знал, как мне порой хотелось, чтобы меня пожалели и приласкали! А Лизонька была вся в меня - мягкая, ласковая и немного распушенная. В том смысле, что не очень собранная. Она тоже любила поваляться в постели подольше и понежиться на солнышке.

Как и я.

Одним словом, при Кирилле я всегда подтягивалась и брала себя в руки. И невольно стала так же вести себя с сыном. Поэтому я посмотрела на детей и бодрым голосом скомандовала:

– А теперь вылезаем, умываемся и делаем зарядку. Живо!

Черт возьми, вот же вылетело словечко! Это же надо! Неужели я стала заражаться от Мутного? Только этого мне не хватало!

Детишки, чувствующие, что обстановка в доме, мягко говоря, не совсем обычная, молча вылезли из кроваток и побежали умываться. Зарядку делать я уж не стала их заставлять.

Троица позавтракала, прикончив бутылку, и я усадила за стол детей. Они ели молча, не капризничали.

– Мама, можно во двор? – спросила Лиза, отставив тарелку.

Артур покосился на сидящих на крыльце бандитов. Он понимал, у кого следует просить разрешения.

– Пусть погуляют, – прохрипел Мутный. – Только за калитку – ни шагу! Ясно?

– Ясно... – прошептала я за детей.

Артур с Лизой взяли за руки и побежали во двор. Мутный, быстро захмелевший после почти бессонной ночи, теперь сидел нахохлившись. Ему даже языком ворочать было лень. Скворец посмотрел на них с Рябым и сказал:

– Ложитесь теперь, покемарьте. Я выспался, послезу.

Мутный заворчал что-то, потом встал и, пошатываясь, пошел в комнату.

– Рябой, иди сюда! – слышался его голос.

Рябой встал и тоже пошел в комнату. Я взяла со стола заляпанную посуду и спустилась с крыльца к умывальнику.

«Фэйри» пенилось, разведенное в тазике с водой, я мыла посуду и споласкивала ее под умывальником. Скворец сидел на крыльце, курил и поглядывал на меня. Я делала вид, что не замечаю его взглядов.

Когда я проходила мимо него в дом, он вдруг легонько ухватил меня за локоть. Я дернулась и посмотрела на него вопросительно.

- Сядь, посиди, - потянув меня вниз, попросил он миролюбиво.

Я поставила тарелки на крыльцо и села рядом. Теперь я смогла рассмотреть Скворца. Это был не старый еще мужчина, лет сорока, долговязый, с вытянутым лицом. Светло-русые волосы коротко подстрижены. Весь он был какой-то юркий и вертлявый. В серых глазах горел хитроватый огонек. Чувствовалось, что этот парень себе на уме.

Я сидела и разглаживала юбку на коленях.

- Расскажи о себе, - попросил вдруг Скворец.

- Да что рассказать-то? - недоуменно посмотрела я на него.

- Ну, давно у вас здесь дача?

- Да, уже лет десять... - задумчиво ответила я.

- Правда, что ли, вчера только приехали?

- Правда...

- А тут ты знаешь кого-нибудь?

- Да, конечно, знаю. У нас много здесь знакомых.

– А кто?

– Ну что значит – кто? Многие. Вот соседка справа, тетя Катя, очень хорошая женщина. Она, по-моему, еще не приехала. Потом Галина, через два дома отсюда живет, – я показала рукой на Галькин дом. – Еще тетя Маруся, местная жительница. Она молоко приносит. Петрович, сторож. Старенький уже дедушка. Он всем помогает здесь понемножку: кому починит чего, кому огород вскопать поможет. Гальке часто помогает, она женщина одинокая... – я рассказывала эти ничего не значащие вещи потому, что надеялась усыпить бдительность Скворца. Может, мне удастся запудрить ему мозги, пока те двое спят? Тогда я смогу их победить...

Но Скворец слушал-слушал, а сам явно думал о своем. Он поглядывал на Галькин дом и задумчиво шевелил губами.

– Ладно, – поднялась я, собирая тарелки. – Пойду посуду отнесу.

Я поставила чистую посуду в шкаф и хотела смыться во двор, чтобы побыть с детьми. Но почувствовала сзади горячее дыхание в затылок. Я быстро повернулась. Скворец стоял сзади и, прерывисто дыша, расстегивал на мне платье. Рука его обвила мою талию, затем скользнула к груди...

– Ты... что? – охрипшим от испуга голосом спросила я его. – Ты с ума сошел!

– Ну ладно тебе, ладно, – шептал он мне в затылок, глядя мои бока, – иди сюда!

– Пусти! – я рванулась в сторону, стараясь говорить тише. Целый поток мыслей вихрем промчался в моей голове: не шуметь, а то вдруг проснуться остальные, и я буду вынуждена пойти на контакт не то что с одним Скворцом, а с ними со всеми... Да я же после этого жить не смогу!

– Да пусти же ты! – в отчаянии все же выкрикнула я, изо всех сил пытаюсь вырваться.

Скворец крепко держал меня в руках, я вертелась и извивалась.

Повернувшись к столу, я дотянулась до стоявшей на нем пустой бутылки из-под водки, оставленной бандитами и с гулким стуком опустила ее на голову Скворца. Он упал, не издав ни звука.

Я перепугалась, но тут же как-то и успокоилась. Теперь действовать! Надо же, как обостряются в опасных ситуациях все чувства! Я вся прямо подобралась и была готова до конца защищать своих детей.

Я надеялась, что Скворец не очухается слишком быстро. В том, что он жив, я не сомневалась: у меня просто сил бы не хватило ударить его до смерти.

Я заметалась по кухне, соображая, как лучше действовать. Так, быстрее хватать детей – слава богу, они на улице – и бежать отсюда! Все равно куда, лишь бы отсюда вырваться, к людям скорее!

Я выскочила на крыльцо и уже хотела кинуться к Артуру и Лизе, игравшим в песочнице в дальнем уголке сада, как вдруг сзади меня ухватила за руку чья-то крепкая рука. Цепеня от страха, я обернулась. За моей спиной стоял Рябой.

Он молча смотрел на меня грустными глазами. Я также молча взирала на него. Так мы простояли минуты две.

– Не надо, дочка, – тихо произнес он. – Не делай глупостей. Я же говорил тебе, что мы скоро уйдем. Потерпи.

Я тихонько выдернула руку и без сил опустилась на стул. Слез уже не было: я выплеснула их все за вчерашний день. Вернее, ночь.

Рябой сел на соседний стул и закурил сигарету. Скворец продолжал лежать на полу не шевелясь.

Я перевела взгляд на Рябого.

– Он... – я пыталась объяснить, как все получилось, но Рябой остановил меня:

– Не нужно. Я все видел. Я же не сплю совсем.

– И... что теперь?

– Ничего, – он пожал плечами. – Не бойся, я все улажу. Придурок! – он с брезгливостью посмотрел на Скворца.

Горячая волна благодарности к этому пожилому человеку с изломанной судьбой, но не утративший человеческих чувств доброты и сострадания, поднялась в моей груди. Захотелось даже обнять его и сказать что-нибудь теплое...

– Спасибо, – я ткнулась ему в грудь, а Рябой тихонько похлопал меня по спине:

– Ну-ну, будет. Успокойся, дочка...

Скворец зашевелился на полу и застонал. Потом завозился и начал приподниматься, держась рукой за лоб.

– О-о-ох! – из горла его вырвался протяжный стон. – Что это со мной?

Взгляд его уперся во взгляд Рябого. Тот смотрел насмешливо.

– Очнулся, орел? – спросил Рябой.

Скворец удивленно закрутил головой, сидя на полу.

– Пойдем-ка выйдем, – тихо попросил Рябой.

Охая, Скворец поднялся с пола и, держась одной рукой за стенку, пошел за Рябым на улицу.

Отсутствовали они минут десять. Я не знаю, какие аргументы приводил Рябой в мою защиту, но, когда оба вернулись я заметила, что у Скворца к шишке на лбу прибавилась ссадина под глазом. Зато он был весь успокоенный и тихий.

Сев в уголок и закурив, Скворец стал смотреть в окно. Рябой спокойно устроился на крыльце. Вскоре проснулся Мутный. Настроение у него было паршивое, это я сразу поняла. Может, не выспался?

Он вышел из комнаты и, ворча, сел за стол, согнав с табуретки Скворца. Скворец птичкой, по имени которой получил свою кличку, перелетел на крыльцо.

Мутный закурил и, мрачно глядя в окно, думал о чем-то. Потом затушил окурок в свежевывытом блюде и поднял глаза. Заметив следы на лице Скворца, Мутный потемнел лицом, а глаза его сузились. Но ничего выяснять он не стал, а обратился ко мне:

– Жрать давай!

– Не готово ничего, – прошептала я.

– А чем ты тут занималась, мать твою, сука?! – рявкнул он, грохая кулаком по столу. – Живо давай!

Опять живо! Подлетев на стуле, я бросилась к холодильнику. Торопливо доставая оттуда еду, я косилась на Мутного. Только бы детей не трогал!

Мутный остыл так же быстро, как и вспыхнул, и угрюмо разминал в коротких пальцах новую сигаретку.

Я наспех собрала на стол то, что смогла найти. Варить суп и жарить котлеты для них мне совсем не хотелось.

Мутный особо не придирался.

– Садитесь, – скомандовал он своим, открывая банку тушенки. – Жрать охота. С этой стервой ленивой совсем с голоду подохнешь.

Я чуть не задохнулась от возмущения! Это я стерва ленивая? Вот это наглость! Просто хамство натуральное! Ну ничего! Вот приедет Полина, она вам покажет...

Теперь мне уже хотелось, чтобы бандиты подольше не уходили с моей дачи и дождались Полину. Моя милая сестра-каратистка, увидев, как обращались с ее сестрой, спокойно точно реагировать не будет. И никакой пистолет ее не остановит! И тогда она им так задаст! А то нашли, над кем издеваться, надо мной, слабой женщиной...

Теша себя такими приятными мыслями и от души злорадствуя про себя наперед, я с ненавистью резала хлеб толстыми кусками, не особо стараясь, чтобы они выглядели красиво. Перебьетесь, гады!

Троица навалилась на еду. Более-менее прилично ел Рябой. Он не выхватывал куски хлеба из-под рук своих товарищей, не вылавливал из банок лучшие куски и вообще не торопился.

Конечно, из всех троих он был мне наиболее симпатичен, но я не строила особых иллюзий на его счет. То есть, я понимала, что от нападок Скворца он меня защитит, но если возникнет конфликт между мной и Мутным – Рябой однозначно будет на его стороне. Мы по разные стороны баррикад, и это я понимала прекрасно.

Вообще, я заметила, что Мутный прислушивается к Рябому. Хотя решение принимает сам. Рябой был кем-то вроде правой руки Мутного, его как бы советником. А Скворец – просто шестерка.

После обеда Мутный отвел Рябого в сторону, они о чем-то пошептались, после чего Мутный сел на крыльцо и стал задумчиво смотреть на соседские дачи.

«Господи, что же им нужно? – думала я, перемывая посуду в очередной раз. – Для чего они пришли именно сюда? Или это просто случайность?»

Накормив детей, я снова отправила их играть на улицу. Мне не хотелось, чтобы они находились в обществе бандитов.

Когда стемнело, я позвала детей домой, нагрозила их игрушками и велела сидеть в спальне и не высовываться от греха подальше.

Мутный куда-то выскользнул за калитку. Я видела, как он крадется по улице. Отсутствовал он с полчаса. Все это время мы сидели в кухне и молчали. Скворец бесперерывно курил и время от времени тер шишку на лбу. Периодически он бросал на меня злобные взгляды, но каждый раз натыкался на твердый, неумолимый взгляд Рябого. Тогда он отводил глаза и бормотал в сторону какие-то ругательства, качая головой.

Я все время боялась, что Рябой куда-нибудь выйдет, например, в туалет, и мне придется остаться со Скворцом наедине.

При мысли об этом сердце мое екало, а душа падала куда-то в пятки. Но Рябой внимательно посматривал то на меня, то на Скворца, и уходить никуда вроде не собирался.

Когда вернулся Мутный, он сразу же отозвал Рябого в сторону. Они снова о чем-то пошептались. Я заметила, что Мутный значительно повеселел после своей вечерней вылазки. Да и взгляд Рябого потеплел.

Мы сидели в кухне, когда раздался скрип калитки. Бандиты насторожились. Мутный сделал всем знак молчать, а сам встал и вытащил пистолет.

– Идите в комнату, – тихо приказал он Скворцу с Рябым, а сам встал в угол и взвел курок.

Бандиты прошли в спальню. Я молилась, чтобы тот, кого принесло в этот час ко мне, не заподозрил ничего и не заорал на весь дачный поселок от страха. Иначе мне и детям – конец.

– Открой, – тихо сказал Мутный. – И смотри не ляпни, чего не надо.

Господи, да я и не собиралась! Что же я, ненормальная, что ли, совсем?

Выбежав на улицу, я увидела, что во дворе стоит наш дачный сторож Петрович. Он показался мне таким родным, что я неожиданно для самой себя сиганула к нему на шею, заорав во все горло:

– Дядя Коля!

– Ох, тише ты, Оленька, – смеясь, проговорил старик. – Соскучилась, что ли?

– Да не то слово как, дядя Коля! – искренне ответила я и вдруг всхлипнула.

Правда, я сразу же взяла себя в руки, чтобы Петрович ничего не заподозрил.

Он, по-видимому, счел мой всхлип за проявление чувств и погладил меня по спине.

- Ну ладно тебе. Совсем меня, старого, смутила. Давно приехала?

- Да... Нет... - мне казалось, что я здесь уже целую вечность. - Мы вчера приехали. Вы извините, дядя Коля, что я вас в дом не приглашаю - Лиза болеет.

- Чего с ней такое? - встревожился старик. - Может, чаю с медом? У меня мед отличный, я принесу...

- Не надо, не надо! - испуганно замахала я руками. - У меня все есть: и мед, и лекарства!

- Лекарства что! - махнул рукой Петрович. - Химия все! Надо народными средствами лечиться. Вон в старину все какие здоровые были.

- Да... - согласилась я.

- Ну ладно. Значит, вы тут теперь. А Поинка когда приедет?

- Полина? Да завтра должна, - нарочно громко сказала я. - С Кириллом вместе. Так что я буду под надежной охраной - Кирилл же у меня вооруженный!

- Ну, тогда я за тебя спокоен, - улыбнулся старик. - Ладно, отдыхайте. Оля, если что - зови меня, помочь там чего... Ты знаешь - я всегда готов!

- Знаю, - заверила я его и пожала ему руку.

Петрович заковылял к калитке.

Я перевела дух. За время нашей с ним беседы мне показалось, что у меня сердце из груди выскочит.

Вернувшись в дом, я посмотрела на Мутного, который так стоял за дверью с пистолетом в руках. Он ответил мне пристальным взглядом. Потом взял за

подбородок, повернул к себе лицом и внимательно уставился мне в глаза. Я боялась пошевелиться.

– Молодец, – тихо похвалил меня Мутный. – Боишься меня? Правильно делаешь! Меня и надо бояться.

В это время из спальни вышли Скворец с Рябым, а за ними выбежала Лизонька.

– Мама, мама, этот дядя мне куклу починил! – радостно завопила девочка, указывая на Рябого. – Ту самую, которую папа купил, а потом починить не мог!

Кирилл год назад подарил Лизе большую, настоящую куклу Барби. Три дня восторгам девочки не было предела, а на четвертый кукла неожиданно сломалась. Кто это сделал, мы так и не смогли выяснить. Кирилл грешил на меня, я на Лизу, сама Лиза на Артура, а Полина на всех нас. Кирилл пытался починить куклу, но, как всегда, это оказывалось слишком сложно для него, и он в который раз бросал начатое дело.

Короче, с тех пор кукла валялась на даче, и Лиза даже не прикасалась к ней, говоря всем, что «Маша болеет». Называть игрушку ее настоящим именем Лизонька отказывалась.

И вот теперь Рябой – золотые руки – починил ребенку любимую игрушку.

У Лизы сияли глаза. Она подбежала к Рябому и, обняв его за шею, чмокнула в морщинистую щеку. Тот взял Лизу на руки и погладил по голове, а девочка доверчиво прижалась к нему.

Артур стоял в стороне и насупившись смотрел на эту сцену. Мутный только хмыкнул, а Скворец, с тех пор как получил бутылкой по голове, вообще ни на что не реагировал.

К ночи дети запросились спать. Но Мутный категорически запретил их укладывать. Он приказал нам сидеть в кухне и помалкивать. Сам «предводитель» ходил по комнате взад-вперед и что-то обдумывал. Когда голова моя уже в пятый раз склонилась вниз, стукнувшись о крышку стола, Мутный подошел к своим товарищам и что-то сказал им. Те быстро начали

собираться.

Мутный подошел к вешалке и снял с нее мое платье, в котором я приехала на дачу. Резко дернув, он оторвал от него пояс и двинулся ко мне.

Честно говоря, я подумала, что он хочет меня удушить и стала медленно отодвигаться к подоконнику. Но Мутный подошел и сказал:

– Руки!

– Что? – не поняла я.

– Руки давай! – рявкнул он.

Я протянула ему руки ладонями вверх. Они дрожали. Он грубо схватил их и стал связывать поясом. Я молчала и думала: а что же они сделают с детьми?

Мутный связал мои руки и ноги и заткнул рот грязной тряпкой, лежавшей на столе. Вот когда я пожалела, что не стираю их вовремя!

Правда, с Артуром и Лизой Мутный обращался помягче, чем со мной, но связал и их, а рты им заткнул носовыми платками, вытащенными из карманов детишек. Дети не плакали, они только испуганно ворочали глазенками.

После этого Мутный полюбовался результатами своего труда, проверил узлы и остался доволен. Перед дверью он остановился, улыбнулся, галантно поклонившись, и произнес:

– Ариведерчи, леди!

После этого он исчез в ночи. Мы остались сидеть на полу, куда стащил нас Мутный. Пошевелиться было можно, но весьма проблематично. Бедная Лизонька просто заснула прямо на полу в очень неудобной позе. Артур прислонился к стенке и закрыл глазки.

А я даже не могла сказать им ни слова, даже успокоить не могла ничем!

Противная тряпка наполняла рот, я чувствовала отвратительный солоноватый привкус, мне хотелось выплюнуть ее и долго-долго чистить зубы и полоскать рот. Несколько раз даже поднималась волна рвоты, но я сдерживала ее.

Повозившись немного, я решила добраться до табуретки и попробовать перетереть пояс о ее угол. До табуретки-то я добралась, но с остальным было сложнее. Пояс никак не хотел перетираться. Зато руки мои покрылись красными полосками и страшно горели.

Подлец Мутный, конечно же, спрятал все ножи! Я попробовала языком вытолкнуть изо рта вонючую тряпку, но только чуть было не захлебнулась поднявшейся из глубины желудка едучей жидкостью.

Тогда я попыталась встать на ноги, но только загремела вниз, ударившись головой об угол стола.

Лежа на полу, я беззвучно заплакала. Так, со слезами на глазах, я и уснула, надеясь про себя, что все, что случилось со мной – это всего лишь кошмарный сон, который наутро закончится...

ГЛАВА ВТОРАЯ (ПОЛИНА)

В последние дни в моей голове крутилось только одно слово, самое прекрасное, как мне казалось, на свете. Это слово – отпуск. Наконец-то я уйду в отпуск, в котором не была уже несколько лет!

Быстро доделав все дела в спорткомплексе, где я работаю тренером по шейпингу, попрощавшись с клиентками и пожелав им к моему возвращению стать похожими на дюймовочек, я с легким сердцем выбежала из спорткомплекса и села в свою машину. «Ниссан» обрадованно сорвался с места. Ф-у-у-х ты, теперь можно и дух перевести!

Завтра я еду на дачу, с самого утра. А там уже обустроилась Ольга. Интересно, она успела сделать хоть что-нибудь к моему приезду? Но настроение мое было таким хорошим, что я не расстроилась бы даже, если б узнала, что Ольга не

сделала ничего.

Дома у меня вещи были уже собраны. Оставалось только завтра погрузить их в машину. Почувствовав усталость после суматошного дня, я приняла душ, выпила стакан сока и легла спать.

Наутро я легко соскочила с кровати, проделала водные процедуры и позавтракала салатом и сыром. Вымыв посуду, я с чистой совестью взяла вещи и пошла на улицу. Через пять минут я уже мчалась в своем «Ниссане» на дачу.

Мимо проносились рощицы и перелески, природа уже ожила к лету, уже расцветала, распускалась, вся тянулась навстречу солнцу, навстречу жизни, жадно ловя каждый глоток лета.

Меня, конечно же, никто не встретил. Этого и следовало ожидать. Нет, конечно, я на машине, но ради приличия можно было хотя бы за угол выйти? Тем более что Ольгины дети наверняка просили ее прогуляться и встретить тетю Полю...

К воротам дачи я подъезжала уже не в таком хорошем настроении как с утра.

На стук в дверь тоже никто не открыл. Я удивленно взглянула на часы: без пятнадцати двенадцать. Интересно, это Ольга ушла куда-нибудь или просто спит так долго? Мне не хотелось думать о сестре плохо, и я принялась убеждать себя, что она пошла с ребятишками на пруд. Потом вспомнила, какая Ольга трусиха и начала злиться. Какой, к чертовой матери, пруд! Она же сроду в воду не полезет без меня, а тем более с детьми! Да к тому же в самом начале лета, когда температура воды «всего восемнадцать градусов»! Нет, сейчас я ей устрою!

Я изо всех сил забарабанила в дверь, потом приложила ухо к замочной скважине. В ответ до меня донеслись какие-то слабые звуки, похожие на легкие постанывания. Еще и стонет, что ее так рано разбудили!

Я замолотила сильнее. Никто не открывал. И только тут во мне шевельнулось что-то неприятное, какое-то предчувствие нехорошее. Господи, да что же там происходит?

Стоны не прекращались, они становились все ближе и отчетливей. Раздумывать было уже некогда, и я, разбежавшись, со всей силы шибанула дверь плечом. Она слетела с петель, и я ворвалась в комнату. То, что я увидела, повергло меня просто в ужас: в кухне на полу лежала связанная Ольга с кляпом во рту. Она слышала мои стуки в дверь и пыталась к ней подползти. Но смогла одолеть только небольшой участок пути. Возле стены полусидели-полулежали Артур с Лизой, тоже связанные. Я невольно ахнула и поскорее кинулась к детям. Выдернув им изо рта кляпы, я перерезала узлы и освободила детям руки и ноги. После этого я осторожно ощупала их, убедившись, что все органы у детей целы и невредимы. После этого я бросилась к Ольге. Она находилась просто в каком-то полубморочном состоянии. Когда я перерезала узлы и подняла ее на ноги, Ольга начала сползать вниз и бессильно повисла на моих руках.

– Господи, Оленька, да что с тобой? – не выдержала я и задала первый за «радостное» утро вопрос.

– П... По-поля... – проговорила с трудом Ольга и вдруг разрыдалась, сползая по мне на пол и пытаясь руками ухватиться за мою талию. Я подняла ее и крепко держала под мышки. Ольга плакала, тело ее просто сотрясалось. Детишки как по команде кинулись к нам и повисли на мне, тоже заливаясь слезами. А я стояла, не в силах ничего понять, а непрошенные слезы тоже откуда ни возьмись выкатились из глаз. Сперва я смахивала их ладонью, но потом поток их стал настолько сильным, что я махнула рукой и тоже расплакалась.

Наревевшись от души, я решила как-то помочь Ольге, ее нужно было срочно успокаивать, иначе это состояние могло перейти в истерику. Молча подняв сестру на руки, я перенесла ее в комнату и уложила на постель. Ольга пыталась что-то сказать, протягивала ко мне руки, поднимаясь на постели, но каждый раз бессильно валилась вниз. Я решительно прижала ее к кровати и мягко сказала:

– Успокойся, Оленька. Полежи немного, приди в себя. Хочешь, я накапаю тебе валерьянки?

Судя по осмыслившемуся сразу взгляду Ольги я поняла, чего она хочет, чтобы я ей накапала.

Не став спорить, я прошла в кухню и достала из сумки купленную заранее бутылку рома. У нас с Ольгой был договор – на даче никакой выпивки! Я вообще

не пью принципиально, а ей не мешало бы сделать перерыв хотя бы на летнее время. А то совсем сопьется.

Ольга внимательно слушала меня, согласно кивала головой и клятвенно обещала даже не заикаться про спиртное. Мне так это понравилось, что я даже смягчилась и по секрету от сестры купила для нее этот ром, надеясь выпить его по какому-нибудь приятному поводу. Вот и он, приятнейший повод! Я не знаю, каков он на вкус, этот ром, вполне возможно, что гадость редчайшая, но мне уж очень понравилась бутылка. Поэтому я не пожалела денег и приобрела ее для Ольги.

– Чего у вас тут случилось-то? – шепотом спросила я у Артура, откупоривая бутылку.

– К нам бандиты приходили, – дрожащим голосом проговорил мальчик, бледнея. – Вчера ночью только ушли, а нас связали...

– И совсем не бандиты, а хорошие дяди! – заступилась Лизонька. – Мне один куклу починил, а тебе самосвал!

Но Артур, видимо, не разделял мнения сестренки насчет прекрасных черт характера их ночных гостей.

Тихонько присвистнув про себя, я решила поскорее привести Ольгу в чувство и расспросить ее как следует насчет этих бандитов. Поэтому я быстро плеснула в стакан густо-красной жидкости и чуть ли не бегом побежала к комнате, где лежала стенающая и охающая Ольга. Я протянула ей стакан, заметив, как просветлело при этом ее лицо.

Ольга быстро выпила ром.

– Спасибо, Поленька, – слабым голосом ответила она. – Мне уже гораздо лучше. Ты не могла бы принести мне еще этого замечательного лекарства?

– Ты знаешь, нет, – решительно ответила я, отодвигая стакан подальше. – И вообще, оно предназначалось для другого случая. Но раз уж так получилось... Ты можешь сейчас мне рассказать внятно и четко, что у вас тут случилось?

– Ох, Поля!.. – Ольга поднялась и повисла у меня на шее, – это был такой кошмар, такой кошмар! Ты просто себе не представляешь!

– Ну-ну, ладно! – обнимая Ольгу и баюкая ее в руках как маленького ребенка, проговорила я. – Что ты? Все же закончилось, я с тобой! Я вас в обиду не дам! Все хорошо, милая, успокойся!

Ольгины всхлипы становились потише. Дождавшись, когда она совсем умолкнет, я мягко повторила:

– Ну вот, умница. А теперь расскажи мне все, пожалуйста...

Ольга принялась рассказывать, постоянно прерываясь, охая и ахая, качая головой и простирая руки. Из ее рассказа я поняла, что трое уголовников, сбежавших из тюрьмы, заявили к нам на дачу в день Ольгиного приезда и, потрясая пистолетом, заставили ее спрятать их у себя. Что Ольга и дети терпели чудовищные пытки и издевательства, что теперь Ольгино здоровье сильно подорвано и она никак не сможет при всем желании помочь мне по даче. Последнюю фразу Ольгу произнесла, глядя куда-то в сторону. Но меня это не волновало. Найти преступников и наказать их – вот чему были посвящены мои мысли. Но Ольгу все-таки нужно отругать. Что это, в самом деле, такое: ее отпустили в магазин, а она даже никого не предупредила, что у нее на даче творится! Ведь это же полнейший идиотизм! Хоть бы Гальке сказала, а та бы мне сообщила или в милицию!

– Оля... – начала я.

– Что? – жалобно откликнулась сестра.

Мне сразу стало ее жалко, и я решила не очень на нее давить.

– Скажи, а почему ты никому не сообщила, что у тебя на даче бандиты? Ведь у тебя была такая возможность!

– Понимаешь, Поля, я очень испугалась... Я боялась, что соседи поднимут панику и не смогут сделать все, как надо. И этот Мутный все поймет и просто убьет нас!

– Ерунда какая! – разозлилась я. – Ты что, с ума сошла, что ли?

Ольга умоляюще посмотрела на меня и натянула одеяло до подбородка. Ладно, черт с ней, теперь это дело прошлое. Ольга и в самом деле трусиха страшная, видимо, у нее мозги просто парализовало! Но все же каково, а?

– Оля, мне придется съездить к Жоре, – задумчиво сказала я.

Жора Овсянников, мой бывший муж, работал старшим следователем УВД Тарасова, и я частенько обращалась к нему за помощью. Похоже, снова настал такой момент.

– Я съезжу к Жоре, – продолжала я, – опишу ему приметы преступников, они их поймают, и все будет хорошо.

Но Ольга оставаться одна на даче отказалась категорически. Она заявила, что если мне так хочется – то я могу, конечно, уехать, но только по приезде я обнаружу здесь Ольгин труп. Со вскрытыми венами. Но, конечно, если мне не дорога жизнь сестры, а волнуют только личные отношения с Жорой, то ради бога – езжай, Полина, я всегда знала, что никому не нужна в это семье, что никогда не получу ожидаемых поддержки и сочувствия... Ну, и так далее. Все в таком духе.

– Ладно, Оля, – вздохнув, остановила я ее изливания на тему «нет в жизни счастья». – Мы еще поговорим с тобой об этом, когда ты успокоишься. А теперь поспите, ночь у вас и в самом деле была не из приятных.

Ольгу не нужно было уговаривать. Она тут же повернулась к стене и провалилась в сон. Детишки тоже валялись с ног. Растусовав их по постелям, я вернулась в кухню. Да уж, дела! Какая жалость, что я отправила Ольгу на дачу первой! Теперь после перенесенного потрясения, она нескоро придет в себя. Как бы еще крыша у нее не съехала. А то хоть она и психолог и даже кандидат наук, а с собственными душевными проблемами справиться не умеет. И ищет забвения в бутылке, а это может плохо кончиться...

Пока Ольга с детьми отдыхали от пережитого кошмара, я сварила суп и пожарила картошки, потом прошла в огород, вскопала несколько грядок и полила огурцы и клубнику.

Под вечер проснулась Ольга. Она пошатываясь вышла на крыльцо и села на него, демонстрируя, что помогать по огороду мне не в состоянии. Я и не просила. Черт с ней!

Вымыв руки, я села рядом с сестрой и закурила. Ольга поморщилась от дыма. Она сидела, опустив голову на руки и задумчиво смотрела куда-то вдаль.

Вскоре встали детишки.

– Ну, пойдемте ужинать, – позвала я их.

– Ах, я совсем не хочу есть! – отмахиваясь, проговорила Ольга, но в кухню пошла и за стол села.

Несмотря на все страсти-мордасти, я заметила, что пережитое никак не отразилось на Ольгином аппетите: тарелка ее опустела за считанные секунды. Я усмехнулась про себя и стала наливать чай.

После ужина, чтобы хоть как-то подбодрить всю компанию, я предложила:

– А давайте сходим в лес! Посмотрим, может быть, грибы есть?

Грибов никаких, конечно, и быть не могло. Но мне не хотелось, чтобы Ольга, а особенно дети, сидели здесь и кисли.

– Давайте, давайте! – захлопала в ладоши Лизонька. Артур с радостью поддержал ее.

– Ах, ну я не знаю! – засомневалась Ольга. – Я еще слишком слаба...

– Ну тогда оставайся, – невозмутимо посоветовала я. – Мы и втроем сходим, правда, дети?

Ольгу тут же выдуло из кухни. Откуда только прыть взялась! Она даже сходила в сарай и приволокла оттуда две большие корзины. Теперь она стояла с ними возле крыльца, готовая идти в лес в первых рядах, лишь бы не оставаться одной

на даче.

- Может, все же останешься? - поддразнила я ее. - Дверь-то сорвана, охранять кому-то надо? А ты и чувствуешь себя плохо...

- Нет-нет, у меня все прекрасно! - бодро ответила Ольга. - А дверь завтра Петровича попросим починить. Вот если бы... - она просительно посмотрела на меня.

- Что?

- Если бы еще хоть капельку твоего лекарства... - шепотом проговорила Ольга.

Я вздохнула и набулькала ей еще немного рома.

- Спасибо, Поля, - благодарно произнесла сестра, опрокидывая стакан в рот. - Пошли!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nikol-skaya_natal-ya/dachnyy-sezon

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)